

НАРОДНАЯ ВЕРА И ХРИСТИАНСКАЯ СИМВОЛИКА В ПОЭЗИИ АЛЕКСЕЯ ГАНИНА

Алексей Ганин – один из интереснейших поэтов начала XX века. Расстрелянный в 1925 году, он был впоследствии как будто вычеркнут из литературного процесса той эпохи, а его творчество – практически отторгнуто от читателя и исследователя. Лишь в конце истекшего столетия интерес к этому яркому и самобытному поэту возродился, и сегодня, в начале XXI века, для ценителей и исследователей русской литературы совершенно очевиден масштаб фигуры А. Ганина. Знакомство с его творчеством значительно обогащает представление о художественном наследии Серебряного века и первого послереволюционного десятилетия.

Алексей Алексеевич Ганин родился в 1893 году в деревне Коншино Вологодской губернии в крестьянской семье. В 1911 году поступил в фельдшерско-акушерскую школу в Вологде, закончил обучение через три года и сразу же был призван в армию (служил фельдшером в госпиталях Петрограда). В период армейской службы Ганин познакомился с Есениным, который работал в госпитале Царского Села, и в 1917 году Ганин вместе с Есениным и будущей известной актрисой Зинаидой Райх предпринял поездку по Северу России: сначала – к себе на родину, в Коншино, а оттуда – на Соловки. Известно, что во время путешествия Есенин и Райх обвенчались. Ганин присутствовал при этом событии, он был поручителем со стороны невесты, в которую и сам был влюблён. Зинаиде Райх посвящено его стихотворение “Русалка, зелёные ко-сы...”, написанное вскоре после её венчания с Есениным.

После революции Ганин вступил в ряды Красной Армии, служил военным фельдшером. Доктор А. В. Фалин, сослуживец Ганина, писал о нём: “Военный фельдшер А. А. Ганин проявил себя хорошим помощником врачей, инициативным и энергичным работником. Ганин безукоризненно выполнял свои обязанности во время операций. Нередко самостоятельно решал много разных задач... Был требователен к себе и подчинённым. За нерадивость строго взыскивал. Сам работал, не считаясь со временем”¹.

В 1919 году Ганин женился и на протяжении четырёх последующих лет жил с семьей в Вологде. В этот период, в 1920–22 годах, поэт издал в Вологде несколько своих книг, отпечатанных литографским способом². Печать такой книги – необычайно трудоёмкий процесс: необходимо на каменной форме написать текст специальным литографским карандашом, потом обработать эту форму, и только после этого печатать с неё книгу. Ганин не только писал на камне тексты стихотворений, но и рисовал иллюстрации. Помогал в выпуске книг Ганину С. Клыпин, владелец частной типографии в Вологде, на своих же книгах поэт указывал название придуманного им самим издательства – “Гли-

¹ Цит. по: Кондакова М. А. Воспоминания о брате А. А. Ганине (1979). Опубликовано как приложение к ст.: Тихомиров С. А. Возвращение к читателю // “К тебе пришёл я, край родимый...”. Книга о судьбе и творческом наследии вологодского поэта Алексея Ганина. Вологда, 2005. С. 32.

² Подробно о способе печати Ганиным своих произведений в Вологде см.: Демидова Е. Л. Литографированные издания Алексея Ганина // Там же. С. 101–108.

на”. Всего Ганин выпустил таким способом 11 книг. Естественно, тираж их был крайне мал, и сейчас эти сборники, хранящиеся в Вологодской областной универсальной научной библиотеке, являются библиографической редкостью.

Конечно, Ганин хотел бы видеть свои книги напечатанными не только “самодельным” способом, но и изданными значительным тиражом в центральных издательствах. Может быть, в надежде реализовать это стремление поэт в 1923 году отправляется в Москву. Поездка в столицу была вызвана и необходимостью заработка, так как семье Ганина катастрофически не хватало средств к существованию. В Москве поэт “оказался в крайне отчаянном положении: без работы, без комнаты, без денег”¹. Он тщетно пытается устроиться на службу, найти хоть какой-нибудь источник дохода, ведь “дома осталась ни с чем жена и двухлетняя дочь, перенесшая летом тяжелую дизентерию. А жена всё ещё тосковала о маленьком сыне, умершем в то же время и тоже от дизентерии”².

Ганин вступает в столичный литературный мир, активно общается с Есениным и другими новокрестьянскими поэтами, а также со многими представителями тогдашней художественной интеллигенции. Ежевечерние собрания в общежитии писателей, потом, по словам Ганина³, “галдёж до двух часов ночи” в кафе “Стойло Пегаса”, потом – “если в состоянии мы были двигаться” – “кручение до шести часов утра” в ночных чайных. Ганину всё это было тяжело, его вовсе не привлекала такая жизнь с бесконечными кутежами и ночными весёлыми сборищами. Ему хотелось спокойно работать, он вынашивал планы нескольких крупных драматических произведений из римской истории и, кроме того, начал писать “большой роман, который бы охватывал жизнь России в целом за последние двадцать лет и действие в котором разыгрывается, в отличие от всех существующих романов, не на любовной интриге, а на социально-экономических условиях”⁴. Одним словом, “хотелось работать, но не было стола, чтобы присесть и записать пережитое”, поэтому длился “пьяный угар и смертельная тоска”.

Участники шумных богемных собраний порой вели себя крайне неосмотрительно, а иногда и нарочито независимо, даже вызываясь. Известно множество скандалов с участием представителей творческой среды того времени. Например, широкий резонанс в соответствующих кругах Москвы получил арест в ноябре 1923 года четырёх поэтов: С. Есенина, С. Клычкова, П. Орешина и А. Ганина. Якобы поэты, сидевшие в кафе за кружкой пива, позволили себе какие-то рискованные высказывания, а гражданин за соседним столиком подслушал их разговор и вызвал милицию, требуя ареста “преступников”. Над поэтами состоялся товарищеский суд, им тогда лишь пригрозили, но оставили на свободе. Ганину свободу и жизнь оставили ненадолго: уже в следующем, 1924 году поэт вновь был арестован, а 30 марта 1925 года расстрелян.

Алексей Ганин был осуждён как глава “Ордена русских фашистов” – вымышленной организации, которая, естественно, не существовала и не могла существовать в 1924 году. Поводом для ареста послужил якобы найденный у Ганина программный документ “Ордена” – тезисы, озаглавленные “Мир и свободный труд – народам”. Согласно “Протоколу допроса гражданина Ганина Алексея Алексеевича” (опубликованному в 1992 году журналом “Наш современник”), поэт утверждал, что тезисы представляют собой набросок к будущему роману и отражают взгляды отрицательного героя – противника советской власти. “Объединяя случайный материал, повторяя собранные мной из официальных изданий, из случайных фраз и белогвардейских листовок для моей работы “тезисы”, я полагал, что не делаю особых преступлений. В этих тезисах я не выразил никакой государственной тайны, потому что никакой тайны я не знаю”⁵. Как отмечает проф. М. М. Голубков, рассуждая о причинах ареста Алексея Ганина, “сейчас уже кажется очевидным, что истинной причиной были не сфабрикованные политические дела и ярлык фашиста, навешанный на поэта, но нетерпимость большевиков к тому мироощущению,

¹ Протокол допроса гражданина Ганина Алексея Алексеевича (Предисловие Ст. Куняева) // Наш современник. 1992. № 4. С. 160.

² Там же. С. 161.

³ Там же. С. 161.

⁴ Там же. С. 160.

⁵ Там же. С. 166.

которое смогли воплотить в своем творчестве писатели, выдвинутые русской деревней в ряды великой русской литературы”¹.

Алексей Ганин реабилитирован посмертно в 1966 году.

В литературоведении Алексея Ганина относят к числу поэтов новокрестьянского направления. Действительно, его художественный мир во многом близок поэтике Н. Клюева и С. Клычкова, С. Есенина и П. Орешина, А. Ширяевца и П. Карпова. Эти люди родились и выросли в деревне, прекрасно знали крестьянскую жизнь, которая и была плодотворной почвой, взрастившей их талант. Естественно, мир деревни органично вошёл в лирику этих поэтов. Так, у Ганина есть целый ряд стихотворений, связанных с темой земледельческого труда или поэтически отражающих крестьянский быт.

Жизнь русского села для Ганина – не просто предмет восхищения, ностальгических размышлений или лирической рефлексии. За поэтическими описаниями покоса или пахоты, примет сельского обихода, всего размеренного и мудрого уклада деревенской жизни стоит глубокий нравственный смысл: поэт убеждён в том, что именно крестьянство является хранителем русской духовности, подлинным нравственным оплотом нации. Эта идея становится определяющей для всего творчества Ганина, и практически любое его стихотворение становится подтверждением тому. Наиболее ярко эта система представлений выражена в поэме “Памяти деда” (1918). Поэма описывает жизнь человека как непрерывный труд, но этот труд – светлый, радостный и здоровый. Жизнь Деда – крестьянина, землепашца, – казалось бы, проста и незатейлива: “не завидней онучи”. Каждое утро, рано-рано, когда на небе ещё звёзды “ныряют в глубокое Сине”, Дед уже встаёт, “выедет, было, на пашню и пашет”. Не забавляясь пустыми рассуждениями, не задумываясь “о концах и началах”, человек возделывает землю и живёт плодами своих трудов. Дни Деда идут своим чередом, в заботе о хлебе, в согласии с миром и с собою, и так же, как естественно и гармонично шла его жизнь, приходит и смерть. Собственно, в поэме кончина Деда ни разу не названа смертью – он лишь “уснул”, “задремал” под божницей, и это будто даже не смерть обычного человека, а “успение” святого. Сквозь дремоту Дед “видит: из груди, что ветер, летит лебединое стадо – // Земные заботы, печали”², – и в избе усопшего Деда становится тихо и празднично, как в церкви. Дед в поэме Ганина – это ещё один образ в галерее праведников русской литературы, стоящий в одном ряду с соответствующими героями Н. Лескова и А. Чехова, А. Платонова и А. Солженицына.

Поэма написана свободным стихом, в метрическом складе которого, однако, явно ощущается ориентация на гекзаметр. Отдельные фрагменты поэмы написаны именно гекзаметром, со строгим соблюдением его метрической схемы:

*Хочется Деду внучонка позвать — и не родится слово.
А день широко разгулялся под небом глубоким и синим,
и Сивку впрягли уж другие распахивать вёшные нови.
Всё на селе, как и прежде, лишь по-новому гвозди,
чуется, кто-то вбивает, и пилят сосновые доски...³*

Обращение поэта к гекзаметру, естественно, вызывает в сознании читателя ассоциации с античным эпосом, но не с гомеровским, а, скорее, с гесиодовским – с поэмой “Труды и дни”. Значительная часть этой поэмы посвящена описанию труда земледельца – труда, который должен восприниматься человеком не как тягостная обязанность, а как исполнение божественных установлений. “Вечным законом бессмертных положено людям работать”, – утверждает Гесиод. “Всюду начертано: зверю таиться в лесах и следить за добычей... // А человеку в трудах украшаться под небом”, – рассуждает герой

¹ Голубков М. М. Мешок алмазов. Алексей Ганин и книга о нём // Историк и художник. 2008. № 3. С. 54.

² “К тебе пришёл я, край родимый...”. С. 331–335.

³ В ряде изданий поэмы графически строки выглядят несколько иначе: большая часть из них разбита на два-три кратких отрезка. Подобное дробление могло быть вызвано исключительно техническими причинами. Характера метрики это несколько не меняет.

поэмы Ганина. Гесиод рассказывает, как должен жить разумный земледелец: быть прилежным в работе, больше успевать сделать в тёплое время года, когда земля щедро дарит человеку свои плоды, загодя готовиться к зиме. Хороший хлебопашец знает и многочисленные приметы, понимает, как связаны между собой те или иные природные явления. Таков и Дед:

*Глянет на поле. И где-то далече-далече в поле кричат журавли...
И Дед уже знает по крику: будет ли ведро, будет ли непогодь ныне [...]
Всюду приметы, кто в тысячный раз просыпается в красной заботе о хлебе.
Старому Деду раскрыта зелёная книга земли.*

Вместе с тем, несмотря на явно ощущаемый идейный и “стилистический” параллелизм, у Ганина смысловой доминантой всё же является христианское сознание необходимости исполнять свой долг на земле, ощущение жизни как крестоношения, а не просто готовность трудиться, чтобы быть более богатым и счастливым.

Такое понимание цели и смысла труда и любой человеческой деятельности характерно для Ганина и вполне согласуется с идейным миром новокрестынской поэзии в целом. Ганин никогда и не отрицал своего внутреннего родства с поэтами “крестьянской купницы”¹, но всё же ни с каким из современных ему художественных течений своё творчество не соотносил, называя себя “романтиком начала XX века”. Его мироощущение и вправду было романтическим: ожидание и жажда чуда, вера в поэта и всеисилие его слова, восприятие природы как средоточия красоты и мудрости бытия. В значительной степени отразилась в лирике Ганина темная сторона романтического мироощущения — демонизм, богоборческие порывы, надломленность и ирония. Безусловно, Ганин — поэт широчайшего спектра настроений: от ликования и восторга до высокого трагического пафоса, но доминирует в его творчестве всё же светлая нота. Лирика Ганина, при всём её разнообразии и богатстве настроений, по большей части яркая, праздничная, цветистая, она наполнена свежестью и душевным здоровьем. Жизнь Ганина не была лёгкой — он пережил революцию и гражданскую войну, на протяжении 20-х годов жил под постоянной угрозой ареста, — но, несмотря на это, поэту удалось сохранить в себе любовь и доверие к жизни. Это был ни в коем случае не тот примитивный оптимизм, который А. Блок назвал мирозерцанием “несложным и небогатым”. Это было мудрое приятие жизни, основанное на глубокой религиозности.

А. Ганин является одним из самых ярких и мощных православных художников своего времени. Религиозное чувство и религиозный идейный строй пронизывают его поэзию — от ранних стихотворений до произведений 1920-х годов. Ганин — поэт христианского сознания, воспринимающий мир как средоточие любви Божьей и чудес Божьих, и именно это определяет художественную и мировоззренческую систему его лирики.

Один из ведущих образов (и одновременно — одна из ведущих идей) его творчества — это Любовь. С идеей Божественной Любви, которая наполняет весь мир, в лирике Ганина неизменно соединено представление о безграничной Божьей милости и доброте. В личной, индивидуальной вере поэта, если судить по его стихотворениям, превалирует именно этот аспект, идея же предстоящего Суда, неминуемого воздаяния за грехи становится для него чем-то абстрактным, неким символом, но никак не тем грядущим, что действительно ожидает любого человека после смерти.

Яркое подтверждение сказанному — поэма “Воскресение” из сборника “В огне и славе”. Это поэма о Втором пришествии Христовом и конце Мира, своего рода поэтическое толкование Апокалипсиса. Поэма состоит из двух частей: первая описывает поэта, спящего “могильным сном”, заточенного “в холодный гроб”. Во второй части лирический герой слышит призыв: “От-

¹ Данный аспект поэтики Ганина рассмотрен в ряде исследований: Голубков М. Мешок алмазов. Алексей Ганин и книга о нём // Историк и художник. 2008. № 3; Дюжев Ю. “Нас выслала вечность, вскормила изба” // Север. Петрозаводск, 1998. № 10; Куняев Ст. Жизнь и смерть поэта // Ганин А. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991; Михайлов А. Пути развития новокрестынской поэзии. Л., 1990; Парфёнов Н. Алексей Ганин и его литературная судьба // Север. Петрозаводск, 1973. № 9.

крой глаза и выйди вон из гроба”, – и, покорный зову, восстаёт и видит апокалиптическую картину:

*Бежала ночь на небесах червлёных,
Два солнца спрятались за красный лес,
Язык огня от жертвенников чёрных,
Шумя, как вихрь, летел в глубь небес.*

*Из всех гробов, проглоченных ночами,
Горя тоской, по огненной реке
Воскреснувшие тихо шли рядами,
И каждый нёс дела свои в руке¹.*

“Дела” людей, которые они несут на суд Божий, – это скорбь, “чёрное зло”, “томительный недуг”. Люди в страхе ожидают своей участи, но “час суда никто не вострубил”: Господь решил не судить “ослепнувшее стадо”, а простить весь Мир и даровать всем благо вечной жизни. Своим крестным страданием Христос уже искупил грехи всех людей, и теперь “язвой рук” Он благословляет человечество, дарует всем прощение.

Трактовка евангельского Слова именно в таком ключе чрезвычайно характерна для Ганина. Она, может быть, не обладает догматической точностью, но глубоко отражает одну из важных граней народных православных представлений о Христе: неисчерпаемость Божьего милосердия, всепрощение, Он – Господь, вззирающий на мир “с ласковой отрадой”. Именно такой круг религиозных представлений отражён и в другом стихотворении Ганина – “Гору скорби День взвалил на плечи...” из цикла “Вечер”. По смыслу это стихотворение явно разбивается на два раздела, сходных по образному наполнению с разделами “Воскресения”. В первых строфах стихотворения описывается День. Ганин во многих стихотворениях пишет это слово с заглавной буквы, вкладывая, по всей видимости, в него целый ряд значений: это и любой день любого человека на земле, это и ежедневно занимающие ум человека суета и заботы, печали и радости. В стихотворении, о котором идёт речь, День – это скорбь, тщета и пустой шум:

*Гору скорби День взвалил на плечи,
В суете душа весь день купалась,
И людские речи, будто мухи,
О тщете с полуденя жужжали².*

Но вот День уходит, суета и скорбь “ниспадают” с души. Теперь лирический герой новым, чистым взором смотрит на мир, “погружаясь в тайны мироздания”. Он слышит, как Прамать-земля обращает к Саваофу молитву о своих “чадах неразумных” – погрязших в заботах людях. И Господь повелевает “силам яснокрылым” ниспослать всем обитателям Земли утешение:

*Чтоб в земном во чреве-океане
Всяка тварь отныне веселилась
И вовек, как злак, произрастали
В человеках мир, благоволенье.*

“Любовь Пропятая” искупает все грехи Мира, поэтому люди прощены и утешены, а Земля – “ласкова” к своим обитателям. Не только в идейно-образном строе этого стихотворения, но и в его формальном устройстве выражается глубокая укоренённость автора в народной традиции: по внутренней организации и стилистике оно явно ориентировано на духовный стих – фольклорный жанр, представляющий собой лирическую песню-сказ, толкующую евангельские или библейские сюжеты. Стихотворение Ганина, как и духовные стихи, не имеет рифм (это верлибр) и лишено жёсткой метрики. С жанром духовного стиха его роднит и специфика образного ряда: образ матери-земли,

¹ “К тебе пришёл я, край родимый...”. С. 320.

² “К тебе пришёл я, край родимый...”. С. 273.

страдающей за своих чад, образ “солнечного камня”, восходящий к часто упоминаемому в духовных стихах “Алатырь-камню” или “бел-горюч камню”, обладающему, согласно народной мифологии, чудесными свойствами. С духовным стихом стихотворение Ганина сближает и то, что в нём ощущается скорее не ортодоксально-православный, а апокрифический дух: Праматерь-земля, молящаяся “солнечному камню” и одновременно – Богу Саваофу, серафимы, ходящие “по заре” и укрывающие землю “Божьей ризой”. Для этого стихотворения характерно идущее опять же от фольклорной традиции предельное сближение Божьего и человеческого мира. Столь же, а может быть, ещё более явно это сближение чувствуется в другом стихотворении из того же цикла – “Отгони свои думы лукавые...”, – где Господь совсем рядом с людьми, и Его можно увидеть. Бог здесь – это не повелевающий Саваоф, как в предшествующем стихотворении, а “Учитель и ласковый Брат” (эпитет “ласковый”, встречаемый уже в третьем стихотворении, является одним из любимых у Ганина). Весь Мир же, вся Земля – это храм, где служится Божественная литургия: звёзды видятся поэту горящими свечами, небо представляется клиросом, с которого льётся ангельское пение, а покрытые утренней росой травы – причастниками.

Для христианского сознания необычайно значима категория чуда. В поэтическом мире Ганина она неизменно присутствует, как, например, в стихотворении “Предутрие”. Наступающий рассвет описывается здесь как чудесное явление, как дар Божий, в ожидании и предвкушении которого природа пребывает в молитве: “ласковый ручей, перебирая чётки, // поёт, молясь судьбе, // серебряный псалом”. Природа в этом стихотворении не просто оживает, а одушевляется, наполненная божественным присутствием.

Приход весны для поэта – тоже чудо, как и наступление рассвета. Стихотворение “Сегодня целый день я пил Твоё дыханье...”¹ своего рода гимн наступающей Весне, молитва к Ней. Стихотворение заставляет читателя вспомнить о блоковской поэтике: весна у Ганина – это одновременно и божество, и благо, и воплощение красоты Мира, и объект восхищенной любви и преклонения поэта. Это стихотворение может быть прочитано как своеобразное преломление темы Вечной Женственности, соловьёвской Души Мира. Речь идёт, конечно, не о заимствовании Ганиным образно-тематического ряда стихотворений Блока или Соловьёва, а, скорее, о некоем взаимодействии с символистской поэтикой, в орбиту которой были так или иначе вовлечены практически все поэты Серебряного века. Для Ганина подобное взаимодействие было тем более естественно, что его образный мир во многом связан с этим художественным направлением, хотя его вряд ли можно было бы однозначно охарактеризовать как поэта-символиста. Как отмечает Ст. Куняев, Ганин “создал в своей поэзии своеобразный сплав народного и глубоко интеллигентного, модного в те годы символического понимания мира”².

Ключевым для русского символистского искусства является, как известно, идущее от Вл. Соловьёва (а у него, в свою очередь, сформированное на основе идеалистических учений) представление о двоемирии: существовании земного, бренного мира и высшего, вечного. Поэт – посредник между двумя мирами, он способен увидеть в здешнем, тленном мире отзвуки того, совершенного, услышать отзвук его “торжествующих созвучий”. Русские поэты-символисты в значительной степени опирались на это учение, и в лирике Ганина также можно обнаружить связь с соловьёвскими представлениями. В частности, стихотворение “Я прихожу к тебе мечтать...” из цикла “Красный час” – это стихотворение о двух мирах: “отчизне” поэта – заоблачных высях, где поэт “в вихрях солнечных летал” и “песней ткал судьбу миров”, и бренном мире, “земных селениях”, куда явился поэт, приняв “образ человекий”. Творчество – не что иное, как воспоминание поэта о “забытой отчизне”, мечта о ней и тоска по ней. Стихотворение насыщено символистской риторикой: “пожар мирских восходов”, “кончины и начала”, “взмахи огнепальных крылий”, “роща лунных чарных лилий” и т. д. Те неологизмы, которые встретились в

¹ Сегодня это стихотворение известно читателю в двух вариантах. Источник одного из них – конволют, изготовленный А. Ганиным, источник другого – прижизненная публикация этого стихотворения под названием “У косогора” в сборнике: Ганин А. Былинное поле. М., 1924.

² Куняев Ст. Жизнь и смерть поэта // Ганин А. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск, 1991. С. 13.

перечисленных словосочетаниях (“огнепальные”, “чарные”) заставляют вспомнить о символистском словотворчестве, например, о лексических экспериментах В. Брюсова или К. Бальмонта. Элементом символистской поэтики является и особое внимание поэта к цвету, к свето-цветовому строю стихотворения: здесь это цвета “нездешней” яркости – преобладает золотой с его вариантами (солнечный, огненный, “огнепальный”), а кроме него – ярко-алый, голубой и те диковинные цвета, которые каждый читатель представит себе по-своему (как выглядят, например, “лунные чарные лилии”?).

Вообще тема цвета в стихотворениях Ганина – это предмет специального изучения¹. Ганин – поэт многокрасочный, почти каждое его стихотворение имеет неповторимый колористический облик, который складывается из сочных цветовых сочетаний: золотой, алый, синий, белый. Цвета в лирике Ганина не только глубоко символичны, но и ориентированы во многом на православную иконописную традицию. Так, красный или алый – один из любимейших и наиболее частотных цветов у Ганина – в иконописи символизирует любовь, радость, благо и торжество вечной жизни (хотя может иметь и другое значение: красный – цвет крови, мученичества). В стихотворениях Ганина этот цвет означает ликование и свет, новую жизнь. Иногда красный и его оттенки характеризуют у Ганина абстрактные понятия – “алая радость”, “ярко-ал” поэтический полёт в стихотворении “Я прихожу к тебе мечтать...”. В этом случае цвет становится чистым символом.

Символическое значение часто обретает и белый цвет, который в иконописи является цветом чистоты и святости, символом Божественного света. В “белоснежной” одежде появляется в стихотворении “Отгони свои думы лужавые...” сам Христос.

Наконец, самый частотный, на наш взгляд, цвет в поэзии Ганина – золотой. На иконе этот цвет символизирует Бога Саваофа. В лирике Ганина, в согласии с православной традицией, золото – атрибут Божественного: “златой крест”, “золотой херувим”, “золотые пальцы Саваофа”. Вместе с тем, пристрастие Ганина к образам золотого сияния, солнечного света, огня роднит его и с символистским искусством, особенно с К. Бальмонтом и композитором-символистом А. Скрябиным. Речь идёт не просто о случайном сходстве, об использовании аналогичных средств поэтической выразительности. Ганина и Бальмонта, Ганина и Скрябина связывает глубинное родство поэтики и художественного мышления. У всех троих огонь – всемогущая творческая стихия, а поэт (у Скрябина – музыкант, и он же поэт, вообще – Творец в широком смысле слова) – демиург, вершитель судеб мира, источник и средоточие вселенской энергии. У Ганина в стихотворении “Я прихожу к тебе мечтать...” поэт – это прорицатель, творец и судья, он “песней ткал судьбу миров, // вещал кончины и начала”. В художественном мире Ганина сам поэт и есть источник очистительного огня, который сжигает “всё, что сумрачно и тленно”.

Стихия огня – атрибута поэтического всемогущества – господствует и в стихотворениях сборника “Священный клич”, где поэт-демиург, искупитель мира, ведёт за собой всех “детей земли”. “Огненное слово” поэта воскрешает умерших, они встают из “тесных гробов”, и вся Вселенная, преображаясь, пылает: “огненный взлёт ураганов”, “алые тучи”, “звёздные костры”.

В стихотворениях сборника “Священный клич”, написанных в 1916–1918 годах, философская тематика, осмысление сущности поэтического творчества соединяется с размышлениями на самые животрепещущие для того времени темы – о происходящих в стране революционных событиях. Судя по стихотворениям тех лет, Ганин воспринимал революцию неоднозначно. С одной стороны, поэт, по-видимому, осознавал историческую неизбежность происходящего: неслучайно в стихотворении 1918 года “Гонимый совестью незримой...” он говорит о чём-то “неотвратимо роковым”, что постигло родную страну. Поэт, как представляется, был готов признать не только неизбежность, но и справедливость того, что совершалось тогда в России. Известно, что в 1917 году Ганин вступил в ряды Красной Армии (служил фельдшером в госпиталях Северного фронта). Стихотворения, созданные в этот период, говорят о том, что революция воспринималась Ганиным как акт справедливого

¹ См., напр.: Судаков Г. В. Живописное слово поэта // “К тебе пришёл я, край родимый...”. Книга о судьбе и творческом наследии вологодского поэта Алексея Ганина. Вологда, 2005.

мщенья, “священный бой”, “священный гнев”. Подобное, романтизированное, восприятие было свойственно многим представителям творческой интеллигенции на начальном этапе революционных событий. Как отмечает проф. Е. Б. Скороспелова, «крестьянские поэты встретили Октябрь как весть о возрождении родины, как надежду на особую нравственно-эстетическую роль русского крестьянства – хранителя самобытных национальных начал”, и лишь потом для них стало очевидно другое: “истребление крестьянской культуры, необратимая деформация традиционного деревенского уклада”¹. Ганин пишет в 1917 году стихотворения “Мужайся, брат...”, “Братья, плотнее смыкайте ряды!” (цикл “Священный клич”) – это и своеобразные воззвания к борьбе, и воодушевление битвой, и призыв выше взметнуть “факел красный, наш красный стяг”. Поэт, зовущий к бою, помнит о том, что за пролитую кровь придётся отвечать перед Богом, но считает, что сражающиеся за правое дело не будут осуждены: “да не смутится боем, кто верит в свет”. Молодой поэт первоначально видел революцию в романтических и, одновременно, былинно-сказочных тонах: он зовёт надеть “доспехи”, взять “меч” и ринуться в “сечу” – бить орду врагов, что “ползут” “из тёмных нор”. Подобный метафорический ряд напоминает и о Блоке², творческий диалог с которым, безусловно, присутствует в лирике Ганина. Может быть, взаимодействие с Блоком ощущается ещё более остро в тех стихотворениях, которые отражают другую грань восприятия Ганиным революционных событий: поэт не мог не видеть трагическую сторону происходящего, не осознавать, какой ценой совершаются исторически неизбежные, но от этого не менее страшные и кровавые революционные потрясения. Трагическая сторона восприятия революции отразилась в целом ряде стихотворений тех лет, и одно из самых характерных из них – “Гонимый совестью незримой...”, впервые опубликованное под названием “России” в 1922 году. То, что происходит с Родиной, поэт воспринимает как дьявольское наваждение, разгул бесовских сил:

*А по лесам, где пряжи ночи
сплетали звёздной пряжей сны,
сверкают пламенные очи
и бич глухого сатаны.*

В стихотворении отчётливо ощущается “блоковский” образный ряд:

*Опять над Русью тяготееет
Усобиц княжичий недуг,
Опять татарской былью веет
От расписных узорных дуг.*

*И мнится: где-то за горами
В глуби степей, как и тогда,
Под золочёными шатрами
Пирует ханская орда³.*

Строки, завершающие стихотворение, – “Но чует сердце огневое: // Ты станешь сказкой для веков” – имеют символический смысл и, как и любой символ, поддаются широкому спектру трактовок. Поэт, по-видимому, надеется, что на его родине после тяжёлых потрясений настанет покой и благоденствие, он верит, что “крестная мука”, которую претерпевает Россия, приведёт к очищению и благу. Вместе с тем, вера в грядущее обновление, безусловно, не снимает для поэта трагизма настоящего дня.

Сходный ряд идей лежит и в основе поэмы “Сарай”, написанной в том же 1918 году. Как полагает проф. Н. М. Солнцева, “написана она (поэма – Д. К.) была как бы ради одной фразы: “В кумире дьявол обнаружился”⁴. Как и рас-

¹ Скороспелова Е. Б. Русская проза XX века: от А. Белого (“Петербург”) до Б. Пастернака (“Доктор Живаго”). М., 2003. С. 66.

² Главным образом, о цикле “На поле Куликовом”.

³ “К тебе пришёл я, край родимый...”. С. 283.

⁴ Солнцева Н. М. Китежский павлин. Филологическая проза: Документы. Факты. Версии. М., 1992. С. 229.

смотренные выше стихотворения, поэма посвящена, как представляется, размышлениям о революции. Лирический герой оказался горько обманут в своих ожиданиях: он жаждал Добра, а встретил посланца тёмных сил, приведшего героя на страшное пиршество зла. Перед читателем разворачивается жуткая картина чёрной мессы: пляшущие трупы, кровавая каша, гниль и смрад. Кульминацией стихотворения становится эпизод поистине ужасающий: дьявол, который пожирает детей – безвинных жертв кровавого разгула. Сама собой напрашивается трактовка этой метафоры: дьявольская, разрушительная сила – это революция, в жерле которой гибнут тысячи людей. И всё-таки эту поэму нельзя назвать абсолютно пессимистической. Даже в самом разгаре чёрной мессы лирического героя не покидает проблеск надежды, символ которой – звезда, глядящая в щели сарая. Звезда – знак божественного присутствия, знак Христа и Его искупительного страдания. Торжество сил зла – лишь временно, и вскоре последует очищение и обновление, так же как и за распятием Христовым последовало Воскресение. Надеждой на избавление от зла звучит и финальная строфа стихотворения: герою всё-таки удаётся спастись, покинуть дьявольское пиршество. Наконец, последние строки – образ неба, “беременного красотой”, – также дают основание предположить скорое “рождение” красоты и приход вместе с ней гармонии и блага. Подобного рода глубинный оптимизм характерен для Ганина. Несмотря на революционные потрясения, свидетелем которых он стал, поэт глубоко верил в разумное и гармоничное устройство мира, в то, что всё происходящее есть, в конечном счете, реализация Божественного замысла.

Не только общий ход истории, но и жизнь каждого отдельного человека, как полагал Алексей Ганин, подчинена осуществлению Высшей Воли. Своё предназначение выполняет и поэт, суть труда которого состоит в том, чтобы брать (“красть”, как говорит Ганин в поэме “Мешок алмазов”) у Бога сокровища, щедро разбросанные им по всей Земле, и тут же возвращать ему – стихами. “И солнце, и луна мне платят дань всечасно, // земля в моей руке, хоть сам я сир и мал”, – говорит поэт о тех сокровищах Божьего мира, которые всегда открыты любому взору и которыми всё же владеет поэт, претворяя их в “звонкий звёздный дождь” слов и строк. Часть строк Ганина мы уже никогда не сможем прочесть – значительная доля его наследия безвозвратно утрачена, но и то, что дошло до сегодняшнего дня, является ценнейшей страницей в книге русской поэзии XX века.